

18+

Василий Рожков

Рок играет на трубе

Проза, песни, поэмы

Василий Рожков

**Рок играет на трубе.
Проза, песни, поэмы**

«Издательские решения»

Рожков В.

Рок играет на трубе. Проза, песни, поэмы / В. Рожков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986315-7

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** В
очередном сборнике представлены сочинения, не характерные для основного
творчества автора — короткие рассказы и песенные тексты. Третью часть
занимают небольшие, но драматические поэмки былинно-мистического
содержания. Коллажи созданы автором на основе собственноручных
фотографий и рисунков разных лет.

ISBN 978-5-44-986315-7

© Рожков В.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Рассказы	7
Копирайт	7
Предназначение	11
Экватор	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Рок играет на трубе Проза, песни, поэмы

Василий Рожков

© Василий Рожков, 2023

ISBN 978-5-4498-6315-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Предупреждение первое: проза – это не мое. Вот это все – усидчивость, регулярный трудоголизм, разветвления сюжета и грани характеров, утверждение долговечной морали или напротив – декларативное ниспровержение таковой – настолько трудоемко и энергозатратно, что всецело моим природным качествам не соответствует. Тут надо веяния ловить, человеческие души строить по ранжиру, а мне бы чего попроще – рифму какую веселую составить, созвучие глиной в руках помять, бутербродик сложить из пышной метафоры да образа пожирней. А растекаться мыслью по древу – увольте. Все подростковые прозаические экзерсисы на животнo-космические темы закончились вместе с нежным возрастом, а возникавшие позднее попытки создать что-либо более серьезное настолько малы и необязательны, что легко уместятся в одну тетрадь, да еще место останется. Значительная часть таких попыток здесь и представлена. Ни на что не претендуя, а только чтобы показать, что и это тоже было. Кто знает, авось будет и еще.

Предупреждение второе: идейно прямо противоположное первому. Не имея практически ни слуха, ни голоса, зная об отсутствии малейшего умения игры на каком бы то ни было инструменте, я вынужден был однажды признать, что окружающая нас вселенская музыка победила мою косность и взяла оттоптанные олимпийским медведем уши изнутри. Слушая музыку, чувствуя музыку, любя музыку и тех, кто помогает ей обрести физическое проявление в нашем мире, я бесконтрольно, непроизвольно и подсознательно шел следом. Очень рано и очень часто я стал замечать, что моя поэзия получила музыкальную подложку, прыгая на багуде задаваемого стихами ритма. Музыка звучала в голове, стихи прорастали припевами, арками, кодами, иногда заменяя собой даже звучащие чужие мелодии. Ее, музыки, было так много снаружи и внутри, что она стала переплетаться в причудливые узоры. Песню «Белые боги» – не всю, отголоски, ритм, речитатив, но этого было довольно – я услышал во сне в исполнении Игоря Ивановича Сукачева и, проснувшись, просто дописал ее, буквально довел до ума. Все это звучит немного смешно и нелепо снаружи, зато по-разному внутри – эпично, драйвово, гитарно и барабанно, медитативно и лирично – полный набор. Увы, внутренним песням не суждено вырваться наружу, их первому встречному не высвистишь и в трубку не напоешь. Поэтому концертный репертуар моего рассудка – это еще одна отрасль поэтического производства со своей формой и логикой. Пусть так и будет.

Предупреждение третье: самое лаконичное. Поэмы – это действительно поэмы, небольшие поэмки или напротив – длинные стихотворения, как правило, с конкретным сюжетом на исторические и мифологические темы, с элементами хоррора и мистики, почему и названы были «сказками на ночь» (см. предупреждение первое, без рифмы такие грузы для меня неподъемны). И да – они мне самому очень по душе, а в некоторых сказочность неплохо сочетается с действительностью. В общем, здесь никаких особенных противоречий и оправданий не требуется, самое время пожелать вам приятного чтения.

В. Р.

самоизоляция, 16 апреля 2020 года

Рассказы

Копирайт

- ...Вот примерно так мои рассказы и созревают.
- А ты чем подкармливаешь? Чем удобряешь?

Холодный июньский дождь. Продрогшее воскресенье претендует на звание последнего дня. Может быть и так. Но это извне, за очками оконных стекол. Отсюда, из уютной полутемной кухни, не разглядеть подробностей. Под облачными бровями не видно неба, его растерянной виноватой улыбки. Вместо неба – заспанные слезящиеся глаза, полуденное томление вставшего засветло человека. Острые капли похожи на тишину, на песню дождливого воскресенья. Три минорных аккорда. Часы гуськом проходят мимо, держась за плечи впереди идущего.

Палец давит на большую синюю кнопку, утопив ее в приборной панели. Не вызов подчиненного на ковер, не спешная эвакуация и не начало ядерной войны – просто включение компьютера, по сути, вещь равнозначная. Недовольное бормотание электронной утробы, разбуженной в самый ответственный момент. Мелькание белых титров на мониторе – каббала, непостижимая для рядовой юзерской паствы. Растерянный курсор с размаху ныряет в иконку «офисной» программы. Девственно-чистый лист выплескивается за пределы экрана. Надо писать. Наконец, после всего, вопреки и благодаря всему, надо писать. Чтобы пальцы плясали неистовую ирландскую чечетку по клавишам, чтобы мозг орал в пустоту черепной коробки все пришедшие к нему в гости слова, чтобы глаза даже под закрытыми веками не забывали об ошибках и табуляции... Надо, надо, надо! Кому, зачем и как – не задавать вопросов и бить себя без жалости за их появление. Посторонним вход в святая святых заказан!

«Писать» – слово с плавающим ударением. Кому как приспичит. Но именно сейчас приспичило ломать последние ногти и оттаптывать подушечки пальцев по брусчатой мостовой клавиатуры. Впрочем, это уже не «писать», это скорее «печатать». Печатать шаг по брусчатке центральной площади, парад, шаго-ом, носок тянуть, р-равнение на ле... Сочинять? Нет, это уже мыслительный процесс; сочиняют ревнивой жене, обнаружившей на брюках следы губной помады. Сочинять, очинять, чинить. Как гусиные перья, как стиральную машину. Что делать простому писাকে, чей разум нещадно завис, чьи мысли, готовые к драке, влекут подсознание вниз? Неунывающий дождь продолжает идти мимо. Незаряженный «винчестер» вторит ему легким шелестом. У кого-то другого не было компьютера, поэтому он вынес вопрос в заглавие книги. Не завидую кому-то другому. И все-таки, что делать?

– По поводу удобрений могу сказать следующее. Мы, писатели – народ жестокий. Мы убиваем свою память, закапываем ее поглубже в землю, и вот из этого перегноя вырастает все наше творчество.

Хрясь! – в ухо. Хрясь! – ногой поддых. И еще апперкот в левую скулу. Хрясь! Подсечка... Лежи теперь, философ, отдыхай. Ах, несправедливо? Ну-ну, поговори еще у меня! Иногда бывает полезно самого себя мысленно отдубасить. Ведь предупреждал же – никаких внутренних диалогов во время творческого процесса! «Что делать, что делать?» Внемли заветам друга. А он говорил: хочешь творить – блюй своими чувствами. Блюй, изрыгай, исторгай из себя силой, натугой все, что накопилось за долгие годы бездействия. А остановился, хлебнул укрепляющего чайку, нажал на «ресет» – получи поддых ногой, философ.

Сколько безвинных воспоминаний пало от рук писателей, пожалуй, не ведают и сами представители этого жестокосердного народа. Писателям нужна подкормка для своих произведений, и ради достижения цели эти хладнокровные убийцы готовы на все. Пииты, гомеры, писаки, творцы, гусяры, графоманы, шпана, отморозки, маньяки, блат-хаты, малины, шалманы. Жрецы, фарисеи, шаманы... Ровно в полночь, когда обыватели уже по большей части спят, шаман-графоман открывает скрипучую дверь и неотвратимой поступью входит в свой кабинет. Он раскладывает на ритуальном столе кипельно-белый лист бумаги. С загадочной ухмылкой он поднимает кривую шариковую ручку и молниеносным движением вспарывает беспомощную плоть воспоминания. Чернильная кровь брызжет на бумагу, завиваясь узором авторского почерка. Шаман-графоман торжествующе вздымает руки к потолку и произносит зловещее заклинание: «О, муза, где ты бродишь на ночь глядя?» Мертвенно-бледный свет настольной лампы отражается в его безумных зрачках. Потом шаман-графоман впадает в амок и начинает метаться по комнате, сбрасывая на пол мелкие предметы и бумажные огрызки, словно пытаясь вырваться из опутавших его тенет. Но разбуженная древним колдовством муза заставляет вновь и вновь вонзять золотое перо в тело несчастной жертвы, топтать, распинать, разрубать и гадать по ее внутренностям. Лишь под утро, с первым криком петуха, шаман-графоман бессильно падает на кровать, чтобы, пробудившись, ошарашенно вчитываться в неизвестно чьей рукой написанные строки. Вечная память воспоминаниям, попавшим под горячую руку слугителей этого ужасного культа.

Но поговаривают о том, что в ряды писательской братии затесались сектанты еще более бесчеловечные и аморальные. Используя оккультные технологии, перед которыми бледнеют и скукоживаются практики вуду и алтайские инициации, эти изуверы возвращают к жизни убиенные ими воспоминания и манипулируют ими, как ватными марионетками, заставляя перемищать во времени многотонные блоки переживаний и страстей. И когда несчастные, изможденные непосильным трудом, падают наземь, из этой благодатной почвы жирным бурьяном прорастают истинные шедевры, произведения величайшей силы. И вот тогда они...

- Да, жестокий вы народ – писатели.
- Нет уж, извини. Не ВЫ, а МЫ – писатели...

Вспоминается день вчерашний, дородная добродушная суббота. Она получилась влажной и взволнованной, о чем-то догадывалась, что-то начинала понимать. Пятничный вечер оставил ей в наследство неприятный сон, и с самого утра суббота покрывалась противной, мелкой, колючей испариной. Морщила носик, коверкала линию губ, думая – а не разреветься ли всерьез, до соплей, до визга, до истерики? Сдержалась, вытерпела. Молодец, суббота, женщина с крепким характером. Не опростоволосилась, оправдала наши ожидания. А выбор между скучным нытьем и светлой грустью оставила для последнего, воскресного дня.

Мы шли по субботе, по пригородам, по блестящей траве. Шли туда, куда приводят все наши дороги, вне зависимости от направления. Над сиреневой запятой рукотворного озера, которое чужаки называют лошадиным словом «карьер», над затвердевшим песком старого пляжа, над бетонными ступенями, уводящими в самое сердце воды, на плоском темени холма соединяются и ведут вековечный спор два мира. Два стихии. Два начала и два конца. Город и лес. В них мы живем, и частица каждого из них уходит глубоко в нас. Мы сидим на самом краю, на апогее зеленого склона и смотрим на город. На красный Стоунхендж высоток, на их зыбкое отражение в воде, на марлевую повязку дороги. Лес у нас за спиной. Друг читает свои новорожденные блюзовые тексты. Блюз – это прекрасно. Это радость жизни, о которой не говорят, но подразумевают, что она где-то есть. Это развалины замка, ставшие садом камней. Блюзом пропитаны воды в устье великой реки, и в перемене погоды след его легкой руки. Блюз – это боль расставанья, в нем же и радости встреч; или когда расстоянья под ноги торопятся

лечь, когда окончание лета на листьях без дыма горит. В общем, название это само за себя говорит. Можно отдать многое, чтобы на малую толику быть причастным к ощущению блюза. Но пусть это делает тот, кто делает не разумом и не одним лишь сердцем – но и памятью. Это авторское право, которого не оспорить. Когда смотришь на лес, память предпочитает стоять где-то в стороне. Но стоит посмотреть на город, и память уже тут как тут. Вот она, за спиной, живая, не знающая страха. Позовешь ее – подойдет, встанет рядом. И если надо, отдаст тебе все, что попросишь. Добровольно принесет себя в жертву, о чем и не мечтаешь, держа в руке отточенный ритуальный кинжал.

Сегодня еще июнь, но дождю не стоится на месте. Он идет, поглаживает воскресенье по впалым бокам. Похоже, выбор сделан. Но каков он, этот выбор – не понять, разминая тело походом спозаранку по утренней прохладе. Обычно принято прыгать в воду с берега. Но когда из воды, из дождя, рыбкой ныряешь в темноту подъезда – это вдвойне занятно. Еще миг назад приколотый иглами к асфальту, как редкая бабочка, теперь оглядываю призрачные своды родной пещеры, а дождь остается снаружи, зажимая свои коронные три аккорда. Творцы, гуслеры, графоманы... Нет, мне еще далековато до гуслера Садко, любителя выходить сухим из моря-океяна. Пропитанные влагой замшевые ботинки жмутся друг к другу носами. Стряхнув с волос холодные капли, прохожу в кухню, маленький полутемный островок тепла, где каждое утро расцветают хризантемы газовых конфорок. За линзами оконных стекол небо улыбается в бороду и трет усталые серые глаза. Претендент на титул последнего дня пишет завещание. Может быть и так. Старый зонт, как огромная черная медуза, разметал щупальца по ковру; с них стекает подаренная ливнем вода. Не успеет ее капель замереть, как раздастся телефонный звонок. И не останется сомнений в том, что воскресенье уже поставило подпись под завещанием, что неделя благополучно завершилась, а прямые дороги не зря вели к стылому пруду и зеленой горбушке всхолмья. И если получится, то распечатки блюзовых текстов будут на следующих выходных; и если погода не окажется столь плаксивой, то бриллиантовые дороги опять заведут в желанную глухомань, собрав воедино пару-тройку стихий, равных по силе и величию. В общем, как обычно. Вопреки и благодаря воспоминаниям.

- Что ж, неплохая идея. Надо будет ее развить.
- Только не забудь про копирайт!

08 – 10.06.03

Предназначение

Ехал я домой довольно поздно. Электричка была девятичасовая, так что незадолго до остановки моей конечной уже заметно стемнело, и виделись мне в стекле оконном не поля и леса, мимо пролетающие, а собственная моя физиономия в отраженном виде да нутро опустевшего вагона вслед за ней. Правда, вагончик-то не совсем пустой был, потому как с десяток или дюжину пассажиров еще оставались, рассредоточившись в одиночку по всему помещению. Сидел я по ходу самым последним и попутчиков своих запоздалых видел, да только не смотрел, а скорее чувствовал, как они сидят – все, как один, усталые, медлительные, полупьяные, кто от насыщенного рабочего дня, а кто и по-настоящему, заливший «топливом» полный бак на обратную дорогу. Так и ехали. Тишина, ежели колес, по рельсам гремящих, не считать, молчание такое, что сказать «мент родился» – ничего не сказать, тут новый департамент Министерства Внутренних Дел учреждать впору. Освещение как на заказ – полторы лампы в полнакала. Уткнулся я виском в оправу оконную, железную, холодную да бугристую – будто специально сделанную, чтобы люди не задремывали, на нее опершись – уставился глазами в черное стекло, дальние огоньки взглядом в обратный путь провожая.

Тут и появился напротив меня черт. Самый настоящий, насколько можно себе представить самого настоящего черта, конечно. Вернее, был бы он самым настоящим, классическим даже (но, опять же, с оговоркой об общепринятом классическом виде данной категории нечистой силы), когда бы не прорастал он прямо из воздуха, из легкого туманца над противоположным от меня сиденьем – как смерчевый столб, выходил он из дымки, тянулся кверху толстым питоном, а там и в самое туловище плавно переходил. Прямо не черт, а джинн какой-то из сказок Шахерезады. Но уж туловищем – черт как черт, рыжий, рогатый, да еще наглый в придачу. Глядит на меня в упор, вот-вот ударит сейчас. А на роже – елки-палки! – челюсти квадратные воротами разошлись, улыбку гонят наружу. Не улыбка у черта, а бесплатная реклама стоматологической клиники. Десны розовенькие, пошлые, а на них зубы рафинадом – один к одному, ни рубца, ни червоточины, и только фикса золотая в верхнем ряду посверкивает.

Висит черт, молчит, ручки на груди скрестивши. Секунд пять – целую вечность, считай! – друг дружке мы в ясные очи глядели, он со сметкой, с огоньком, ровно стрелок в тире, а я – так в полном недоумении. Победил черт – не выдержал я «гляделок», отвел глаза в сторону. И что же вижу в стороне этой – себя! Ну да, возле себя вижу я себя, такого же усталого, в раму приснопамятную, бугристую, головой уткнувшегося да взглядом неподвижным темноту вечернюю буравящего. Вроде как отодвинулся я на край скамейки и гляжу теперь на тело свое любимое, как на попутчика, дорогой разморенного. Не мертвого, не стылого, а просто неподвижного, уставшего до крайности. И не было во мне удивления ни капли, и оторопь меня не взяла. Ведь живой я, разумный, мыслю, стало быть – существую! Только легкость внутри образовалась невыразимая, пустотелость какая-то. Не иначе как душа моя из тела вышла, да разум с собой прихватила за компанию. Да ощутил я в себе вещь одну интересную, дотоле неизвестную – предназначение. Потянуло меня куда-то неудержимо и срочно, словно на свет я родился, чтобы по вагону духом бесплотным витать, словно мечтал я об этом всю свою жизнь бессознательную. Поплыл я вдоль вагона легким пухом, лебяжьим перышком, мимо дремлющих пассажиров, спутников моих горемычных. Знаю, что захоти они – все равно не увидят ни черта – то есть ни чёрта, ни меня, такого всего астрального. И нет у меня к ним ни жалости, ни ревности, ни малейшего интереса, вообще чувства малого не осталось. Прохожу я мимо пассажиров, а они знай оседают, кулями бумажными на скамейки осыпаются и застывают безжизненно. Души их все в меня входят, во дела! Набиваются, лезут без очереди, штабелями во мне укладываются. Так и иду по составу, из вагона в вагон, предназначение свое исполняю безотказно, бездумно. Хоть и мало ездовых в электричке нашей поздней, да всё на меня

одного отпущено – и души меня знай наполняют и наполняют, как зерно мешок, кажется, еще немного – и треснет моя душа по швам, не выдержит. Ан нет, выдерживает, страданица. Знал ведь, чертяка, кого назначить пассажирские души-то собирать! Знал ведь, сволочь эдакая, что я наружу чувства свои да переживания не выставляю, что привык все в глубине душевной прятать да копить. Вот и выдержала душа моя тренированная, не лопнула. Растянулась только сверх всякой меры, аж бытие вокруг меня задрожало в недоумении, мировой эфир затрепетал, как воздух возле костра. Иду я вдоль вагона – да что иду, парю ведь призраком кентервилльским! – и души чужие в меня втягиваются, впадают ручьями в бурную реку, неохотно, правда, со скрежетом, но противиться не в силах. А за мною хвост дрожащий все длиннее и отчетливее – то эфир подо мною плавится, структуру теряет на мгновение. И чем дальше парю, чем больше ручьев людских в себя вбираю, тем сильнее трепещет вокруг вселенная, словно сама жизнь, сам смысл ее испаряются, исчезают бесследно. Что ли я комета, «звездой Полюнью» величаемая? Что ли сам чертом становлюсь, скоро шерстью да рогами обрастать стану, вон и так уже воронкой смерчевой кручу-верчу, всех сожрать хочу...

Так промчался я по составу цунами японским да торнадо американским, все души живые заграбастал, по всем вагонам тела бессловесные, недвижимые оставил, а предназначение мое прозорливое все твердит – больше, больше! Дошел я до кабины машинистов, дверь закрытая – не помеха, да и кто же ее разберет, какова она теперь – закрытая дверь. Прошел насквозь, в кабинке их тесной оказавшись, да с ходу и души их профессиональные втянул с аппетитом. Машинисты оба ахнуть не успели, только на пол осели и глаза на приборы таращат бессмысленно. Они сидят, а я стою, что дальше делать – не знаю. И командир мой внутренний, самозванный, как на зло, умолк. Поезд-то как раз к остановке конечной подходил, скорость сбавил да остановиться не успел, без управления оставшись. Так и проехал мимо платформы прямо в тупик. Из динамика мат льется отборный, десятиэтажный, а машинистам уже все равно, не до работы стало им. В тупике темно, хоть глаз выколи, один огонек багровый мерцает возле насыпи, да впереди еще один состав темнеет, в самом конце пути на покой притулился. Наша электричка его и клюнула носом прямо в задницу, в буфер крайнего вагона, стало быть. Хорошо, что скорость невелика – но гроыхнуло да тряхнуло нас крепко, и стекла оконные рухнули, как сосульки в весеннюю оттепель. Фары да лампы вдребезги, тьма вечерняя в кабину хлынула со свежим воздухом вперемешку, да приборы созвездиями мерцают, да мат из динамика звуковой барьер переходит – целое буйство! Тут и меня проняло. Был я душой безразличной, интерес ко всему потерявшей, но чувствую – клокочет во мне водоворот, жизнь проснулась от такого сотрясения. Выскочил я в тамбур через закрытую дверь, а души чужие внутри голосят, ворочаются, все эмоции их, мечты и желания волной меня захлестывают одновременно. Ну и ощущениеца, я вам скажу!

А чертушка тут как тут. Висит в проходе, скалится, богатство свое эмалевое демонстрирует. И взглядом не бить собирается – уже бьет, наземь сбивает, глушит динамитом. Понимаю я – сейчас он меня впитает. А со мной и всех остальных. С моей помощью решил весь поезд захватить, все души пассажирские прикарманить. Бытие вокруг напряглось, пульсирует с частотой, простому глазу недоступной, еще секунда – и взорвется, разлетится на мириады раскаленных капель. Вот он – апогей, конец света в отдельно взятом тамбуре! Вдруг зашевелилось что-то в углу. Задвигался ворох тряпок, дотоле незамеченный. Глядь, а это девчонка, молодая совсем, вида южного, черноглазая да черноволосая. То ли грязная, то ли смуглая, голова платком по-бабьи повязана. Глядит она заспанно по очереди на меня да на черта – видит! обоих нас видит! – потом взгляд свой чуть раскосый на нечистом задерживает. И вижу я во взгляде том знакомое, до боли, до ужаса, до желудочных коликов – смотрит так боксер перед схваткой, солдат перед атакой, грабитель перед жертвой. У нечистого радости как и не было, желваки на квадратных скулах ворочаются, глазки наглые наперегонки бегают. Дернулся он неуловимо, изумление и страх на роже изобразил, а потом с воем и визгом в девчонку втянулся. Я стою,

не ведаю – не то тело я, не то душа, живой ли, мертвый, а она подмигивает мне, улыбается, и зубы у нее ровные, молочно-белые, да только фикса сверкает червонным золотом. Тут и провалился я в пропасть, в глубины неведомые, где нет ничего, да никогда и не было.

Когда очнулся, электричка уже к платформе подъезжала. Мягко, осторожно, вопреки обыкновению. А я знай стою, пялюсь на двери вагонные, на окна грязные с надписью «не п... ис... о... ться». Полностью я с этой надписью согласился. Так и говорю себе: не ссы, мол, все нормально, ты живой и все живы, просто сном тебя сморило тяжелым, неверным, рабочий день да бури магнитные над твоим организмом гипертоническим шутики шутят. А в спину уже пассажиры дышат недовольно – давай, парень, выходи, не задерживай. И дух от них такой живой, густой, приторный. Сразу понятно – рабочий люд домой возвращается, какие шутики! С тем и вышел я из электрички проклятой. Стою на платформе, воздух глотаю жадно, гляжу, как люди под домам расходятся, головы в плечи втянув, как поезд во тьму тупика уползает, четыре красных глаза в один соединяя. Потом закурил, на ограду облокотился и прислушался. Стуки колесные, гомон рабочий, даже шум городской, постоянный – все утихло в вечернем сумраке. Лишь во мне все отзвуки слышатся, эхо душ человеческих о стенки бьется, не унимаюсь. Мечты, желания, эмоции – вроде уже и не чужие совсем, родные какие-то стали, понятные. Затянулся я сигареткой поглубже, дым табачный выдохнул тонкой струйкой, а с ним вместе и отзвуки, и эхо – все ушло в небо ночное, беззвездное. Уж там-то, на небе, небось лучше нашего знают, как с душами людскими вернее обращаться. А мне свою, растянутую да растрепанную, чинить надо, в порядок приводить. Чего и всем желаю.

Когда очнулся, электричка уже к платформе подъезжала. Мягко, осторожно, вопреки обыкновению. А я знай стою, пялюсь на двери вагонные, на окна грязные с надписью «не п... ис... о... ться». Полностью я с этой надписью согласился. Так и говорю себе: не ссы, мол, все нормально, ты живой и все живы, просто сном тебя сморило тяжелым, неверным, рабочий день да бури магнитные над твоим организмом гипертоническим шутики шутят. А в спину уже пассажиры дышат недовольно – давай, парень, выходи, не задерживай. И дух от них такой живой, густой, приторный. Сразу понятно – рабочий люд домой возвращается, какие шутики! С тем и вышел я из электрички проклятой. Стою на платформе, воздух глотаю жадно, гляжу, как люди под домам расходятся, головы в плечи втянув, как поезд во тьму тупика уползает, четыре красных глаза в один соединяя. Потом закурил, на ограду облокотился и прислушался. Стуки колесные, гомон рабочий, даже шум городской, постоянный – все утихло в вечернем сумраке. Лишь во мне все отзвуки слышатся, эхо душ человеческих о стенки бьется, не унимаюсь. Мечты, желания, эмоции – вроде уже и не чужие совсем, родные какие-то стали, понятные. Затянулся я сигареткой поглубже, дым табачный выдохнул тонкой струйкой, а с ним вместе и отзвуки, и эхо – все ушло в небо ночное, беззвездное. Уж там-то, на небе, небось лучше нашего знают, как с душами людскими вернее обращаться. А мне свою, растянутую да растрепанную, чинить надо, в порядок приводить. Чего и всем желаю.

12.03.06

Экватор

Романтический бустрофедон

...Вы любите смотреть телевизор? Да, мы все не без греха.

Там показывают ужасные вещи. Один вечер, проведенный безвылазно перед экраном – и в пищеводе наступает час пик, а во сне безумные клерки выпрыгивают из окон разорившихся банков. Весь асфальт заляпан кетчупом. Мы, как быки, реагируем на красное, даже стоя у светофора.

Вы, наверное, эстет? Бывают в жизни огорчения. То есть искусство, безусловно, вечно, и случается, что люди теряют сознание, глядя на «Гибель Помпеи». Наш мир – это ожившая картина. Один художник сел на свои тюбики с краской и, продав последние штаны, стал миллионером. А другой переспал с натурщицей, подхватил от нее некую болезнь и разорился на лекарствах и исках к мэтрам журналистики. В газетах писали.

А вы ведь и газеты читаете? Надо же. Не совсем понятно, откуда такая осведомленность. Нет, не то чтобы странно, но как-то непривычно. Я не удивляюсь, просто нет у нас незаменимых людей. Молчаливых эрудитов здесь тоже не любят. А вы говорите, говорите больше в компаниях, вас станут уважать. И уже никто не посмеет покрутить пальцем у виска, взбрыкнуть при редком вопросе и злобно прошипеть в спину: «интеллигентишко недобитый!» Их много, а вы один. Главное, что они все понимают, но ничего не говорят. Таких обычно сравнивают с собаками, но собаки умеют говорить глазами, а эти люди даже глаза скрывают под броней солнцезащитных очков. Не подкопаешься.

Правда, есть и другие – те, которые ничего не понимают. Они не злые, они всегда протянут руку помощи, если вы в беде. Но они скажут: «Вы попали в беду, а могли бы ее избежать». Им не понять, что беду, как кошмарный сон, избежать нельзя. Можно пересилить, притупить причиняемую ею боль, но тем горше будет осознание последствий беды. В 83-м нас накрыл необычайно жестокий сель, все новостройки разметало в клочья. Помните? Ах да, это не было новостью из разряда мировых. Возможно, меня спасло провидение, ведь я как раз переехал в новый дом на окраинах. А всего за день я отправился в горы с экспедицией общества естествознания. Да, и Кассита была со мной. Она у меня биолог, знаете ли... Героическая женщина – на третьем месяце в такую даль...! Бесконечно преданный своему делу человек... Да, так вот, непроглядная ночь, палатки, а внизу прямо под нами грохот, и земля дрожит, и тьма тьмущая... Только утром мы все увидели. Двенадцать человек стояли над долиной смерти и запустения, мы словно вознеслись, но экспедицию пришлось прервать. В городе каждый человек был на счету.

Когда мы вернулись, то были уже не те. Уцелевшие смотрели на нас, как на пришельцев, на инопланетян. Нам объясняли вещи, которые мы и сами прекрасно знали: вот та груда стекла – лавка зеленщика, вот те завалы из кирпича – воскресная школа, вот эти заляпанные грязью останки – машина старика Гонсалеса и он сам. Нас не узнали! Нас, смотревших на беду с высоты, будто свысока.

Конечно, Порт-Эрнандель был отстроен заново. Все возвращается на круги своя, и ныне, и присно... Кажется, нам кто-то помогал. Не вы, случайно? Я шучу, шучу...

Скажите, вы помните свой город, каким он был лет двадцать назад? Помните старые дома на месте нынешних высоток, помните толстое сухое дерево во дворе – его спилили, чтобы вывести в этом месте угол новых гаражей; а лица соседей, поздравлявших вас с новосельем – помните? Пожалуй, вы правы: всего этого могло и не быть. Порой люди больше похожи друг на друга, чем среда их обитания. А здесь все по-другому. Конечно, во все времена молодежь отчаливала поближе к цивилизации или вообще уезжала за границу учиться и работать,

но теперь – кажется, люди рождаются стариками. Пройдите по нашему городу и если вы увидите хоть одно молодое, дышащее свежестью лицо, я буду обязан вам по гроб жизни! Что-то давит на нас, отнимает спокойствие. Нам уже мало нашего городка, нам мало нас самих. Даже старые пропойцы, появившиеся на свет в приюте на Сьерра-Франсиску и никогда не видевшие дальше своего синюшного носа, с утра пораньше собираются под стенами увитого плющом кабачка и орут: «Они обнаглели! Не город, а прорва!» Кто это – они – никто не спрашивает. Это принято понимать с полуслова. И это естественно. У вас ведь тоже есть кто-то, кого можно назвать словом «они».

Наверное, вы сразу подумали о чем-то другом. Иностранцы, полиция, нувориши – все лишь одни из нас. Вы думаете, у небожителей не бывает расстройств желудка? Неподалеку живет мой приятель, грек Эупатиус, каждое воскресенье ходит на наши католические мессы. Никто не жалуется. Да, вот у кого поучиться терпению! Вечный бродяга, старый эмигрант. Бежал от «черных полковников», попал к «красным бригадам». Даже здесь с него драли какой-то захребетный налог, даром что бывший коммерсант. Выращивает капусту на огороде.

Так что сегрегация, нетерпимость, каратэ – это не для меня. Я слишком устал от всего... Видите, у меня длинные волосы? Память о годах студенчества. Как сейчас помню родной институт в Коста де ла Нова, кружок радикалистов, сине-красные повязки... Сломанная ключица до сих пор ноет по ночам. Низины, знаете ли, сырость. И никакой политики. С тех пор, как солдат из оцепления ударил мою Кассандру в живот и я не узнал пол своего нерожденного ребенка, я не занимаюсь политикой. Нет, само собой, его не судили. Наши перевороты не дают новых законов – только новый калибр оружия.

Да, я запил. А вы бы не запили на моем месте? Нет в мире человека, который не пил с горя или радости. Или просто не испытывал такого желания. Говорят, в России – вы знаете, есть такая страна? – так вот там это желание в почете. Да и что им еще делать, если круглый год снег лежит на улицах? У нас на кафедре был один поляк. Любил повторять, что русские отравили ему жизнь. Знаете, так наши крестьяне в соседних деревнях ссорятся из-за способа ловли рыбы. Одни глушат, другие ходят с бреднями. А чуть что – хватаются за ножи.

Мне не надо объяснять, что такое гражданская война. Расскажу вам по секрету – в городе этого не знает никто – моего отца награждал сам каудильо. Отец был в штурмовой роте при Эрно – и, рассказывая об этом, всегда потирал простреленную навывлет руку. Он и Франко умерли в один год. Тогда мы и перебрались сюда, в неизвестность, в сырые джунгли на пояснице планеты. Пропало, пропало все, скрылось в океанском тумане, и где теперь милые сердцу андалузские виноградники, янтарные капли света в бутылочной зелени? Здешнее вино – услада стоматолога, в нем не топят свое горе, дабы к душевным травмам не присокупить физические. Ему предпочитают кокаин и пальмовый спирт. Это действеннее и дешевле. Рекомендовать и предупреждать не буду. Я же знаю ваши вкусы.

Я ведь все про вас знаю, наверное, даже больше, чем вы сами. И моя Кассандра поведала бы вам много интересного, раскусила бы острыми зубками, как спелый финик. Она же все про всех знала, Кассита, золото рук моих, только не верили ей, слушали, кивали головами, как китайские болванчики, но не верили. Как мне не хватает ее, не хватает ее прорицаний на грядущий день! Душа моя, радость, королева снов, где же ты? Я с ума схожу без тебя, травлю себя этим пальмовым пойлом, вечера провожу перед зеркалом, разговаривая с человеком, сидящим напротив. Да-да, я с вами говорю! Ведь я – это вы, я знал это с самого начала. Мы слишком похожи друг на друга, но не настолько, чтобы полностью доверять. Пусть у каждого останется хоть малая толика тайны. Недосказанность под ресницами. Безмолвие на кончике языка. Пожать руку отражению невозможно, его можно успокоить только словом. Как выключенный телевизор. Не тревожьте его, и серый глаз экрана послушно отразит уютные блики вашего очага.

А вы ведь любите смотреть телевизор? Ну да, да, конечно. Я уже спрашивал...

* * *

Ненавижу заграничные командировки. Даже так называемые «развитые» страны, обезумевшие от непомерной сноти и корыстолюбия, вводят меня в ступор бесконечной чередой показов, конференций и попок. Что уж говорить о разбросанных по миру бывших колониях без роду-племени! В последнее время мне везет именно на такие поездки. Не иначе, как я на особом счету у начальства. Вот и нынешняя вылазка не грешит оригинальностью. Для нашей команды инженеров-контрактников, уже достаточно измотанных проверками у себя на родине, матерщина давно стала нормой повседневного общения. Не понимаю, что могла наша компания, такая уважаемая и широко известная, найти в этом Богом и дьяволом забытом портовом городке на самом экваторе, на необрезанной пуповине мира? Эти сгрудившиеся на дне котловины домишки, жалкая пародия на цивилизацию, зажатые с трех сторон зубными протезами скал, вечно спокойным морем и джунглями, вызывающими сыпь одним своим видом – кажется, предлагают сделать единственный выбор в пользу одной из сторон естества. Да только никакого выбора не будет! Я здесь надолго не задержусь. Вот убедимся в бестолковости местных аборигенов и полной нерентабельности их предприятия – и сразу домой, в теплое месиво асфальтовых лабиринтов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.